

РЕЦЕНЗИИ

Т. А Семилет¹

Алтайский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ

НА КНИГУ С. А. НИКИТИНА «СТРАНА ИМЕН. КАК МЫ
НАЗЫВАЕМ УЛИЦЫ, ДЕРЕВНИ И ГОРОДА В РОССИИ» (МОСКВА:
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2020. – 320 с.)

Вышедшая в 2020 году в издательстве «Новое литературное обозрение» книга С. А. Никитина «Страна имен. Как мы называем улицы, деревни и города в России» – увлекательное чтение. В немалой степени это обусловливается предметом исследования, и не только потому, что, как справедливо отмечает автор, имена «стали активной частью общественного дискурса, витриной культурной и политической жизни». Притягательность топонимики и перманентно воспроизводящийся интерес к ней в том, что она затрагивает «жизненный мир» каждого человека, проясняет смысл элементов культурной среды нашего повседневного существования и органической части культурного ландшафта нашего ареала.

Компенсируя скупость авторского введения в тему исследования, отметим, что топонимы не только маркируют элементы культурной среды, они помимо этого выражают ценности и идеалы сообщества, которое дает имя этим элементам или принимает и присваивает уже существующее название, или возвращается к прежнему имени. В них запечатлевается дух эпохи, национальный колорит, самосознание сообщества или его авторитетной части. Топонимы, напомним, входят в наш аскриптивный статус, становятся неотъемлемой частью нашей биографии. В именах объектов культурной среды отражается мировоззрение сообщества и запечатлевается его история; и, как отмечает автор книги, «в каждом топониме – ритм и эстетика своего времени, его надежды и амбиции» (с. 7).

Цель своего повествования автор определяет несколько загадочно: «через имена рассказать Россию» (с. 10). Предмет его рассмотрения – «языковые моды в топонимии России», задача – составить их каталог.

Заметим, что оглавление книги не дает четкого представления о каталоге топонимических мод России, ибо наряду с прозрачными в смысловом плане названиями («Топонимические войны Петра Великого. Немецкая мода», «Яик – Урал. Переименования ради забвения», «Оттепель-5. Возвращение остроумия») включает загадочные («Французское интермеццо», «От Поцалуя до Макдака», «Прощай, Нью-Йорк!») и порой провокационные названия («Даздраперма в стране

¹ Тамара Алексеевна Семилет, доктор философских наук, профессор Алтайского государственного университета (АлГТУ); 7let@mail.ru

Замкомпоморде. Милитаризированная аббревиация», «Сверхнахальная и Порт-Артур», «Негодяха-Сталино. Станция «Иерархия», «Красраб и пропаганда пропаганды», «Топонимическая оборона: от пантеона до рощи Путина»). Перманентно проявляющаяся приверженность автора к художественно-образному стилю, несомненно, украшает и оживляет изложение, но в применении к названиям глав книги, создает эффект непрозрачности логики произведения.

Хронологический принцип – следование от эпохи к эпохе в исторической последовательности («от Петра Первого до наших дней», с. 10) – реализован в книге С. А. Никитина пунктирно, так как в рассказы об эпохальных топонимических модах вкрапляются рассказы о модах региональных (например, топонимический шарм Владивостока и Приморья); локальных (например, история имен Красной площади) или тематических (например, женские имена на карте Родины-матери, проблема розы в русской жизни).

Похоже, что при выборе между поступательностью и мозаичностью изложения автор в большей степени склоняется к методу складывания общей картины топонимии России из ярких и достаточно самостоятельных «кусочков смальты» – отдельных глав книги. Такая архитектура текста делает необязательным последовательное прочтение всего текста, а позволяет прочитывать ее главы как законченные произведения в произвольном порядке.

Попытаемся ответить на вопрос, что представляет собой книга С. А. Никитина как вид произведения? Это не публицистика, не художественное произведение и не монография. Перед нами научно-популярное издание, содержащее интересные сюжеты, яркие примеры, исторические находки автора, написанное живым языком и со вкусом иллюстрированное, которое вызовет интерес у широкого круга читателей.

Отметим, что в рассказах о модах в названиях улиц, городов и деревень России автор выявляет идейные доминанты, движущие мотивы и истоки интенций к наименованию и переименованию объектов культурного ландшафта России в разные эпохи ее истории, что является несомненным достоинством книги С. А. Никитина.

Вряде случаев доминантная интенция к переименованию единиц культурной среды представляется автором эксплицитно: в петровскую эпоху – вестернизация, в екатерининскую – эвфонизация (облагозвучивание), в павловскую – реставрация, в постреволюционную – политизация и демократизация, в советскую – чинопоклонничество; в других случаях она присутствует латентно или же вовсе не идентифицируется автором.

Но заявленная цель повествования – каталог мод на наименования. Для уточнения термина сошлемся на справочные издания. Словарь современного английского языка Longman определяет моду как «что-то популярное или то, что считается хорошим в конкретное время»². В отечественной энциклопедии

² Fashion | meaning of fashion in Longman Dictionary of Contemporary English | LDOCE. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/fashion>

культурологии мода определяется как «периодическая смена образцов культуры и массового поведения»³. Откуда она берется и как возникает? Автор начинает свое исследование и повествование с петровской эпохи как эпохи «активного вмешательства в топонимическую систему, использования названий для внутри- и внешнеполитических, просветительских, стилистических и прочих целей» (с. 10) и объясняет это тем фактом, что при Петре естественный процесс топонимизации, когда наименования объектов культурного ландшафта формировались стихийно, как бы самоименуясь, сменился процессом намеренного волевого установления имен, топонимией декоративной, государственной, что сопровождалось зачастую переименованием прежнего в новое. В эту эпоху естественный процесс стал заменяться искусственным, и, добавим, в полную силу проявилась идея «дискурса власти»⁴.

Из текста книги следует, что статусом субъекта топонимизации и законодателем моды на имена культурных объектов страны, как правило, выступала власть: Петр ввел моду на западные названия, Екатерина – на античные, Павел – моду на возврат к прежним именам, революционная власть – на утверждение коммунистических идеалов, поздняя советская власть задала тренд на прославление и увековечивание своих достижений и представителей своей номенклатуры, российская власть перестроечного и постперестроечного периодов взяла курс на переименования в стиле десоветизации.

Но в то же время С. А. Никитин отмечает, что не всегда властное воздействие и идеологический диктат определяли практику топонимизации, задавали моду на творчество в лингвокультурном пространстве. Во-первых, эти процессы дополняются стихийным закреплением имен объектов культурной среды, возникших в обыденной практике населения. Так, имя Нахаловка в Новосибирске, Ростове-на-Дону, Тбилиси, Тюмени, Барнауле закрепилось за окраинными районами, где селилась бедная часть населения в некондиционном жилье, возведенном без получения разрешения на застройку, т.е. самовольно, «нахально».

Другой, альтернативный властному политическому влиянию, фактор возникновения топонимической моды – инициатива снизу, продиктованная верой в магическую силу имени: «Землю украсил настоящий парад планет, олицетворяя надежды на лучшее будущее, достойное сияния звезд» (с. 81).

Не менее значимый неправоительственный фактор топонимизации – порыв жителей к мелиорированию культурного ландшафта страны посредством переименования столицы, главных городов страны, а также своих поселений. «Одним из самых ярких проектов 1920-х годов стало коллективное ходатайство 216 советских административных работников о переименовании Москвы в Ильич» (с. 87) или более поздние подобные ходатайства присвоить ей имя Сталинодар или Сталин (с. 88).

³ Энциклопедия культурологии. Мода.– URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/530/МОДА.

⁴ См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – Москва: Касталь, 1996.

Значимая интенция к переименованию, возникшая вне властного воздействия – поиск самоидентичности и предмета гордости причастностью к важному событию, связанному с родной местностью или знаменитой личностью-земляком (Довлатов в Ухте).

Заметим, что развитие моды носит циклический характер; сменяющие друг друга модные стандарты проходят стадии становления, массового распространения и упадка, выражающегося в уменьшении численности их приверженцев. Относительно отмирания моды на топонимы автор, в частности, обращает внимание и на ситуации народного противодействия попыткам власти продолжить прежнюю моду на увековечивание в топонимах представителей своей номенклатуры. Он приводит пример протеста жителей Ижевска против переименования их города в Устинов (по имени министра обороны России) (с. 13).

Ну и, конечно же, редко в каком произведении, посвященном топонимике, не приводятся примеры курьезов и номинальных нелепостей, есть они и в книге С. А. Никитина. Например, метаморфоза названия «Потоскуй», смысл которого – в обозначении тоски и безысходности, в «Потаскуй» как символ разврата (с. 155). В ряд курьезов помещаются и вынесенное в название главы превращение Негодяихи в Сталино (с. 148), и тупик Трудовых резервов во Владивостоке, и Советский тупик в Подмоскowie (с. 174). «Тупик – не улица и не проспект. Это глухой финал. Потому любое название рядом с этим термином получает обратный смысл», – поясняет автор.

В эту коллекцию вписывается и Село Весёлый Кут Одесской области – ранее Париж. Центральную улицу имени Кутузова люди в шутку называют Елисейскими Полями. Автор цитирует газетную публикацию: «В отличие от родного города Вольтера по ним не фланируют разодетые дамы и их элегантные кавалеры. Зато есть коровы, свиньи, лужи и прочая сельская экзотика» (с. 178).

Много курьезов с топонимом «Поле чудес», в частности С. А. Никитин приводит пример ярмарки мелкооптовой торговли в Балашихе с этим названием, которую жители прилегающих кварталов называют «отрыжкой» 1990-х (с. 196).

И еще курьез: в одном из разделов книги, о которой идет речь, есть ошибка в написании века, оставим ее отыскание внимательному читателю, чтобы у него при обнаружении таковой был повод похвалить себя за наблюдательность.

В целом же книга С. А. Никитина заслуживает определение хорошей во многих отношениях: хороший язык, хорошо подобранный и изложенный материал, хорошие (яркие и четкие) иллюстрации, хорошее оформление всего издания, а главное – это очень хорошее чтение.